
ПРОБЛЕМЫ КРЕАЦИОНИЗМА ИЛИ КРАХ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ?

Ю.А. Жданов, Е.П. Гуськов

*– Скажите, Ватсон, в чем есть принципиальная
разница между наукой и религией?
– Элементарно, Холмс. Наука не религиозна,
а религия не научна.*

Возникновение, существование и гибель цивилизаций обусловлены взаимодействием пяти доминирующих сущностей: экономики, техники, науки, культуры и политики. Экономика ответственна за социальную стабильность; техника – за взаимодействие общества и природы, наука – за предвидение и долгосрочный прогноз; культура – за взаимодействие индивида с родовой сущностью человека, политика – за динамические контакты внутри государственных структур и между ними.

Жданов Юрий Андреевич – член-корреспондент РАН, директор Государственного научного учреждения “Северо-Кавказский научный центр высшей школы”;

Гуськов Евгений Петрович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой генетики Ростовского государственного университета, директор НИИ биологии РГУ.

Включая в себя все сферы общественного сознания, культура, в отличие от науки, непарадигмальна, обратима в историческом времени и адаптируема к эмоциональным и духовным потребностям конкретного общества. Поэтому ее отношения с наукой в цивилизованных государствах, как правило, строятся на параллельных и дополняющих взаимодействиях. Однако, начиная с древнейших времен, возникают ситуации, при которых рождается антагонизм между наукой и той существенной составляющей культуры, которую обозначают как религия. Обычно конфликты между ними обостряются, когда религия возлагает на себя исполнение не только социальных, но и государственных функций. Достаточно вспомнить судьбу дяди Аристотеля – Проксена, осужденного за безбожие, Сократа и многих других.

Автор идеи “естественной религии” (нравственное сознание должно заменить религиозное) Пьер Бейль в начале XVIII в. выделил три степени атеизма:

- отрицание существования творца;
- признание, что бог есть, но он ничего не сотворил;
- утверждение, что мир создан как естественная необходимость, а не как промысел Творца.

“Фалес, Анаксимандр, Анаксимен повинны в атеизме второй степени, так же как Эпикур ... Анаксагор, Аристотель и стоики ... повинны в [атеизме] третьей степени...” [1]. В XVII в. – веке рационализма атеистами объявили Декарта и Спинозу, Галилея и Бруно. Все они были естествоиспытателями, но при этом *верующими* людьми. Особенно показателен пример Спинозы, который считал Бога единственной причиной, как сущности, так и существования всех вещей, и не мог согласиться с тем, что Всевышнему приписывают человеческие свойства – право на произвол и бессмысленные разрушения [2]. Таким образом, конфликт между научным мышлением и церковью связан не с отсутствием *индивидуальной* веры, а с отрицанием ортодоксальной трактовки религиозных канонов философиями-естествоиспытателями.

Утрата церковью светских рычагов власти в значительной мере ослабила контроль над интеллектуальным творчеством, характерным для науки, но не погасила стремление религиозных ортодоксов сублимировать научное мышление в догматы веры. Неоднократные попытки церкви возвратиться во власть приобретают все более изощренные формы и воздействуют на ведущие функциональные сферы личности – от власти над духом к власти над знанием.

К началу XXI в. в естествознании сложилась парадоксальная ситуация, в которой оформился и набрал силу параллельный мир паранаучной идеологии. Современное естествознание рискует оказаться на обочине интересов массового сознания по многим причинам. Просветительская функция естественных дисциплин ослаблена. Публичные лекции о физиологии и биохимии, астрономии и геологии, некогда собиравшие огромные аудитории, остались в прошлом, а память о них – в трудах В.И. Вернадского и

И.П. Павлова, К.А. Тимирязева и Н.К. Кольцова. Причина заключается не в том, что сегодня отсутствуют исследователи такого масштаба. Это объективный результат разделения труда в науке и углубляющейся дифференциации профессиональных знаний. Возникла необходимость создания собственного языка для “внутреннего” общения, в результате чего стали утрачиваться понятийные контакты между исследователями, работающими в некогда родственных областях науки. Химики перестают понимать биологов, физиологи – генетиков, биофизики – зоологов. Создается современная научно-вавилонская башня, в которую посторонним вход воспрещен без специфического терминологического сертификата. В этих условиях многие ученые, руководствуясь самыми благими намерениями, в популярной литературе “для упрощения понимания”, зачастую, переносят акценты с доказательной функции науки на “объяснительную”, хотя еще великий физиолог Иван Петрович Павлов неоднократно подчеркивал, что объяснение – не наука, а плохая педагогика. Стремительный прогресс породил объективные, но преодолимые трудности, характерные для современного метафизического периода в естествознании. И эти трудности, в значительной мере связанные с мучительным зарождением новых парадигм, весьма удачно в собственных целях используют многочисленные “просветители” от паранауки.

В сегодняшнем контексте бытия нормальный человек стремится адаптировать свое существование к сложному многомерному миру, используя упрощенные способы познания, и искать опору в источниках, канонизированных веками и тысячелетиями. Такие “источники” он получает в избытке; они многочисленны и разнообразны. Переломные научные эпохи порождают паранаучные сочинения мистического или “религиозного” содержания, при этом существуют стабильные символы, которые являются реперными знаками кризисного состояния общества. Это возрождение Гермеса Трисмегиста, священных книг Таро, Шамбалы, перетрактатка Апокалипсиса и катренов Нострадамуса. Параллельно идет избыточное клонирование астрологов”.

Как ни парадоксально, но сегодня нет кризиса естествознания. Сегодня образован-

ное общество столкнулось с кризисом осознания несовершенства полноценного естественнонаучного образования. Научная литература специфична и сложна, а ненаучная – проста и доступна; первая – дорого стоит и плохо издана, вторая – практически бесплатна и великолепно иллюстрирована. Особенно широко распространяется сегодня литература креационистского характера, призывающая человечество избавиться от эволюционных заблуждений и вернуться к библейским истинам.

ИСТОКИ

- Скажите Ватсон, Вам известно что такое креационизм?
- Элементарно, Холмс. Это когда неизвестное объясняют с помощью непонятого.

Наиболее значимым антиэволюционным течением современности является креационизм – учение о создании Мира Творцом (Creator). Идея сотворения всего сущего заложена в основных Священных писаниях – Торе (иудаизм), Ветхом Завете (христианство) и Коране (мусульманство). Тексты, повествующие о происхождении живых существ в канонических изданиях можно классифицировать как Библейский креационизм: «И сказал Всесильный: “да произведет земля существа живые по роду их, скот и гадов и зверей по роду их”; и стало так. И создал Всесильный зверей земных по роду их и скот по роду его, и всех гадов земли по роду их, и увидел Всесильный, что это хорошо. И сказал Всесильный: “создадим человека по образу нашему, по подобию нашему, и да владычествуют они над рыбою морскою и над птицами небесными и над скотом и над всей землею и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле”. И сотворил Всесильный человека по образу своему, по образу Всесильного сотворил его, мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Всесильный, и сказал им Всесильный: “плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и овладейте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными и над всяким животным, пресмыкающимся по земле”». Так сказано в Хумаш, основе Торы [3].

Аналогичный текст с незначительными изменениями приводится в Синодальном переводе Ветхого Завета (Быт. 1:20–28). В Коране этому вопросу и, весьма косвенно, посвящено две суры: «Он – тот, который сотворил вам все, что на земле, потом обратился к небу и устроил его из семи небес. Он, о всякой вещи знающ!»

И вот, сказал Господь твой ангелам: “Я установлю на земле наместника”. Они сказали: “Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?” Он сказал: “Поистине, я знаю то, чего вы не знаете!”» [4].

На эти канонические тексты обычно и ссылаются современные сторонники креационизма, используя Священные писания для опровержения теории биологической эволюции.

В XVIII в. утвердился “классический” (биологический) креационизм, создателем которого считают блистательного Карла Линнея и гениального основателя палеонтологии Жоржа Кювье. Кювье избегал непроверенных гипотез и по этой причине был одним из первых критиков Ламарка, создателя первой цельной эволюционной теории. Он хотел уберечь естествознание от основного парадокса эволюционизма – “если виды реальны, они не эволюционируют, если они эволюционируют, то их реально не существует в природе”. Открытие же Ламарком ведущего вектора эволюции – времени, – воспринималось современниками как мифология, а не реальность. Метафизическое мышление, характерное для классического креационизма точно, но двумерно и плоскостно, поэтому появление третьего параметра, создающего объемность и динамичность Жизни как процесса, разрушало завершенную и стабильную картину системы природы. Креационизм не столько отстаивал идею о сотворении, сколько противился идее изменчивости.

Гениальный Кювье изначально не отвергал идею эволюции полностью, но все его палеонтологические исследования свидетельствовали о том, что среди ископаемых остатков, найденных им в последовательных геологических пластах, нет переходных форм. Эта проблема и сегодня остается нерешенной. Именно поэтому Кювье для объяс-

нения причин массовых вымираний животного мира, выдвинул “теорию катастроф” – землетрясений, наводнений и прочих, в результате которых и происходит гибель одних видов и замещение их другими, пришедшими из иных мест обитания, т.е. он предложил идею “горизонтального” изменения фаун. Концепция “вертикальной” эволюции Ламарка – *постепенного* повышения организации во времени – для Кювье не находила фактического подтверждения. Опровергнуть собственное кредо во имя гипотезы он не мог. Таким образом, биологический креационизм начинает свое существование с анализа причин *вымирания* видов, а вовсе не причин и способов их *происхождения*.

Креационисты приписывают Кювье мысль, что новые виды возникают только в результате повторных актов творения. На самом же деле Кювье в своих работах утверждал: “...я не говорю, что нужно было новое творение для воспроизведения ныне существующих видов” [5]. Славу креациониста ему создали его ученики Л. Агассис и А. д'Орбиньи, а утвердил ее Ф. Энгельс, который писал: “Теория Кювье о претерпеваемых Землей революциях была революционна на словах и реакционна на деле” [6]. И эта оценка несмотря на более объективные мнения историков естествознания [7, 8] укрепились в биологической литературе.

Классический креационизм, начиная с конца XIX в., никогда не пользовался даже частичным признанием у большинства естествоиспытателей. Проблема происхождения жизни, на первый взгляд первостепенная для биологов, не вызвала пристального и откровенного интереса у большинства биологов – экспериментаторов и эволюционистов. Эта проблема всегда была в большей степени интеллектуальным развлечением физиков, химиков и философов. Ибо, как абстрактная идея Начала, она является философской, а не биологической проблемой и потому выходит за рамки анализа конкретных механизмов эволюционного процесса. Достаточно вспомнить Пастера, который, доказав отсутствие самозарождения, с точки зрения методологии, оказал креационизму гораздо большую услугу, чем Кювье. А разница между антикреационистскими идеями Франческо Реди и А.И. Опа-

рина заключается только в одном: первый верил, что самозарождение происходит многократно, в том числе и в настоящее время, а второй – что однократно и только миллиарды лет назад. Для большинства биологов проблема *начала* жизни ограничена формулами Пастера–Вирхова–Вейсмана – “*omnis vivo e vivo*”, “*omnis cellula e cellula*”, “*omnis ovo e ovo*” (все живое из живого; клетка только из клетки, яйцо из яйца). Возможно, это особая форма профессионального креационизма, которая требует отдельного анализа.

Кроме библейского и классического, существует “религиозный” креационизм (не путать с библейским!), наиболее агрессивный сегодня по отношению к теории эволюции. Он имеет собственные социальные корни, от которых современные креационисты дружно отрещиваются.

Временем основания религиозного креационизма можно считать 70-е годы XIX в., когда американка Мери Бейкер-Глоувер начинает вести платные курсы по медицине. Вместо 5 лет обучения она предлагает постичь мастерство врачевания за незначительную сумму в течение 12 лекций и заучив текст рукописи “Вопросы и ответы”. В своем учении Мери Бейкер-Глоувер вкладывает новый глубинный смысл в понятия “Knowledge” (знание) и “Science” (наука). Знание – это все земное (анатомия, физиология, биология, химия и пр.), в то время как наука приходит от Всевышнего. М. Бейкер-Глоувер считала, что “миссия ее как раз в том и состоит, чтобы разрушить Knowledge при помощи Science” [9]. Изданная в Бостоне в 1875 г. книга “Наука и здоровье”, содержащая гремучую смесь теософии и медицины, раскрывает основную доктрину врачевания М. Бейкер. По ее мнению, Бог не посылает человеку болезни как наказание за грехи – они появляются исключительно от заблуждений, и эта идеология увлекла умы миллионов американцев. Сайентистам (сторонникам Science) не нужны врачи, диагнозы и терапия – все лечит вера. Поскольку самым совершенным врачевателем был Христос, ее наука стала именоваться “Christian Science”. Функции веры меняются – она теперь врачует не души, а все физические болезни, принося фантастические доходы – к 1900 г. на счету Мери

Бейкер было многомиллионное состояние, церкви и другая недвижимость в Нью-Йорке и многих городах Америки. Материальная выгода лежит в основе большинства сектантских идеологий. Современный сайентизм также считает знание болезнью, которую необходимо активно лечить, используя в качестве основного “препарата” Священное Писание.

СОВРЕМЕННОСТЬ

“Christian Science” создала несколько типов наследников, среди которых ведущее интеллектуальное положение сегодня занимает течение, именуемое “Научный креационизм”. Его центром является Институт креационных исследований в Сан-Диего (Калифорния, США), который выпускает значительное количество печатной и видеопродукции.

Одним из наиболее типичных изданий подобного рода является брошюра “Разрушительная преэминентность” Д.А. Кузнецова, доктора биологических наук по специальности “молекулярная биология” (1989 г.), Лауреата премии Ленинского комсомола (1983 г), с 1990 г. – профессора биологии Королевского Колледжа в Нью-Йорке, председателя Московского общества креационных исследований [10]. Цель работы – в очередной раз, используя проверенные временем терминологические и паралогические приемы, доказать, что эволюции не существует. Обычно аргументы антиэволюционистов базируются на простых и однообразных методах. Все они начинаются с критики “Происхождения видов”, будто гениальное сочинение Дарвина появилось вчера, а не 150 лет назад. Не отошел от этого правила и Д. Кузнецов. После полного развенчания дарвинизма в его брошюре приводятся значительные выдержки из дискуссий между сторонниками концепции синтетической теории эволюции (которая зародилась официально в середине 40-х годов XX в. и тоже изрядно устарела) и апологетами концепции “punctuated equilibrium” (прерывистого равновесия). Из публичной полемики эволюционистов двух направлений выбираются наиболее острые и эмоциональные цитаты, которые креационисты приводят в качестве доказательства собственной право-

ты: “если нельзя прийти к согласию о предмете спора, то предмета не существует” – классический пример логического солипсизма. При этом умалчивается, что предметом спора является не сама эволюция как *естественно-исторический* процесс, а механизмы ее реализации.

“Несомненно, у нас возникает мысль о развитии форм с течением времени, когда мы смотрим на серию позвоночных. Я уверен, что эти факторы внесли важный вклад в видимость правдоподобности биологической эволюции, но они также способствовали утверждению отнюдь не дарвинистского понятия, что эволюция является реализацией скрытого Божьего плана” [10, с. 20]. Цель автора понятна, но цепь рассуждений довольно запутана. Вероятно, базовое биологическое образование мешает ему четко обозначить более конкретную антиэволюционную позицию. Из анализа креационистского текста можно сделать следующие выводы:

1. Дарвиновская и синтетическая эволюция – это градуализм, постепенное накопление признаков. Утверждая таким образом, Д. Кузнецов воюет с давно разрушенными мельницами, потому что этот тезис забыт и исчез даже из школьных учебников. Элементарная база эволюции – комбинативная и мутационная изменчивости – дискретны.

2. “Неожиданное скачкообразное возникновение новой формы не является эволюцией” [10, с. 8]. В качестве поддержки этого постулата даются ссылки на монографию “Зоологический вид и эволюция” выдающегося эволюциониста Эрнста Майра – необъяснимый парадокс мышления автора. В Синтетической теории эволюции (СТЭ) минимальной эволюционирующей единицей является популяция, а мутантная особь – это только потенциальный элемент эволюции, реализуемой через естественный отбор. Поэтому данная ссылка на Майра некорректна, и вполне понятно, что возникновение новой единичной особи не может быть эволюцией.

3. Между наследственностью и эволюцией поставлен знак равенства. “Просто *мы называли эволюцией нечто, дающее родство, и из этого, конечно можно сделать вывод, что всякое родство – результат эволюции*”.

[10, с. 10]. Использованный прием, называемый в логике “подмена понятий” никого ни в чем не убеждает, так как является результатом наивности или недобросовестности. *Эволюция*, в отличие от родства, – это не *свойство*, а исторический *процесс*.

4. Креационисты признают существование микроэволюции. “Даже мы, библейские креационисты, соглашаемся, что микроэволюция существует, и делаем это весьма охотно. Сама Библия говорит, что все люди произошли от одной пары. ***Следовательно, все различия между расами являются примерами микроэволюции.***” (Курсив наш – *Авт.*) [10, с. 14]. Почему микроэволюция существует, а макроэволюция – нет? Основные противоречия между “синтетистами” и “пунктуалистами” заключаются в том, что, по мнению первых, механизмы микро- и макроэволюции идентичны, а вторые полагают, что они различаются. Д. Кузнецов, отрицающий и градуализм и макромутационизм, вероятно должен разделять позиции сторонников СТЭ и, признавая микроэволюцию, согласиться с существованием биологических процессов, в которые Творец уже не вмешивается. Возможно сегодня, годы спустя, Д.А. Кузнецов имеет более четкие позиции по этим вопросам.

Если вышеназванное сочинение рассчитано, главным образом на людей образованных и достаточно знакомых с курсом общей биологии, то книга Томаса Хайнца предназначена для более широкого круга читателей [11]. Автор предисловия, профессор механики и ядерной техники Политехнического института Виргинии и Государственного факультета, Роберт Л. Вайтлоу утверждает, что факты, приведенные в книге, “как никогда ранее” подтверждают достоверность Библии и сотворение мира. Действительно, библейских мотивов в ней больше, однако удивляет отсутствие ссылок на тексты Библии.

Принципиальных отличий между приемами Д. Кузнецова и Т. Хайнца для опровержения эволюционных концепций нет, но у Хайнца есть собственные претензии: “Научные доказательства в пользу сотворения мира Богом почти никогда не упоминаются в современном образовании!” [11, с. 12]. При этом цели автор ставит весьма серьезные: креационистов укрепить в вере, а атеистов-

эволюционистов убедить в существовании Бога с использованием “научного” метода от противного.

Рассуждения библейского креациониста о необходимости забыть элементарный курс естествознания начинаются с анализа философской базы эволюции. Сначала утверждается, что философия виновата перед религией в том, что не отвергла гуманизм. Появившись в XVI в., он свел до минимума потребность человека в Боге. Затем его сменил рационализм, который повлиял на нравственность еще сильнее. Они-то и позволили “Дарвину создать теорию о происхождении всего живого без участия Бога” [11, с. 14].

Но Дарвин никогда не писал “о всем живом” – только о происхождении видов. Кроме того, в последнем абзаце своего гениального произведения он упоминает о мудрости Творца: “Есть величие в этом воззрении на жизнь с ее различными силами, изначально вложенными творцом в одну или незначительное число форм...” [12]. Почему этого никто не заметил?

Далее идет стандартный набор “разоблачений”: эволюционисты имеют массу нерешенных проблем. Так, сходство человека и обезьяны вовсе не говорит об общем предке: “Истинная причина такого сходства скорее в зарождении обоих в воображении одного и того же художника. Сходство рисунка не есть доказательство против создателя. <...> Точно так же сходство в строении животных говорит о том, что они созданы *одним Богом*” (курсив наш – *Авт.*) [11, с. 19]. У Хайнца постоянно страдает логика – если следовать его аргументам, то несходные животные созданы разными богами?

Критикуя биогенетический закон, по которому на ранних стадиях развития появляются жаберные щели, Хайнец приводит следующее рассуждение: «Аргумент по поводу “жаберных щелей” также убедительно доказывает, что человек эволюционировал от рыбы, как луноподобное лицо молодого китайца доказывает, что он произошел от луны» [11, с. 21]. Далее с неослабевающим сарказмом по поводу невежества эволюционистов последовательно разбираются этапы биологической эволюции, которой на самом деле не существовало. Организмы были созданы только раз и навсегда.

Более корректно выглядит аргументация авторов сочинения “Очевидность сотворения мира”, вышедшего под редакцией упомянутого ранее Д. Кузнецова [14]. Как видно из предисловия, эта книга должна открыть каждому сердцу “истинное понимание *реальности* Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа” (курсив наш. – *Авт.*) [13, с. 4]. Креационная модель, которая, по мнению авторов книги, “отражает откровение, данное человеку Богом-Творцом, описывающее различные события, происходившие при сотворении мира, а также на протяжении истории Вселенной...” [13, с. 7], начинается с откровенного подлога. Книге предпослан эпиграф: “Страх перед Господом есть начало нашего знания”, хотя канонические тексты притчей Соломона носят иной смысл: “Начало мудрости – страх Господень ... глупцы только презирают мудрость и наставление” (Притч. 1:7). Авторы не понимают различия между знанием и мудростью, хотя в Библейских текстах оно подчеркивается неоднократно: “... потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь” (Еккл. 1:18). “Кроме того, что Екклезиаст был мудр, он учил еще народ знанию. Он все испытывал, исследовал и составил много притчей” (Еккл. 12:9).

Далее по тексту апологетов креационизма обсуждаются казусы лингвистики – оказывается, что в Книге Бытия, «Слово “небо” в стихе первом соответствует еврейскому слову *shamayim*, что означает “небеса”, или некую протяженность, или пространство. Первым из того, что сделал Бог, было создание пространства» [13, с. 11]. Авторы полагают, что “... согласно Слову Божьему, творение начинается с двух основных компонентов атома, созданных Богом, – *пространства и материи*” [13, с. 11], а третий “основной компонент структуры атома – свет” был создан богом в первый день творения в полном электромагнитном спектре: “НЕБЕСА=КОСМОС, ЗЕМЛЯ=МАТЕРИЯ, СВЕТ=ЭНЕРГИЯ” [13, с. 13]. Надо обладать изрядной смелостью, чтобы взять на себя подобную трактовку ветхозаветных текстов, поскольку она, несомненно, попадает под определение *ереси* и вряд ли будет одобрена канонической экзегетикой.

Одним из важнейших слабых мест эво-

люционной концепции креационисты считают отсутствие объективной датировки ископаемых палеонтологических останков, установленной с помощью общепринятых в геологии и палеобиологии радиоуглеродного, калий-аргонового и иных аналитических методов. По их мнению, Земля, в соответствии с библейскими положениями, очень молода – “... неделя творчества имела место приблизительно шесть тысяч лет назад” [13, с. 19]. Креационисты полагают, что разделение массы суши на континенты произошло несколько тысяч лет назад, сразу после окончания строительства Вавилонской башни [13, с. 58]. На появление и гибель динозавров отведено всего несколько столетий.

Проблема датировки весьма сложна, но физические методы объективны уже потому, что с их помощью оцениваются процессы, идущие вне сознания человека и не привязанные к субъективному восприятию времени. В то же время в библейских текстах отсутствуют абсолютные временные показатели. Поэтому, начиная с работ Альберта Больштедского, в средние века и по сей день возраст появления тверди земной, по мнениям разных теологов, колеблется от одного до нескольких тысячелетий. Внутренне время Ветхого Завета и время Планетарное – два разных времени (живое и неживое), а креационисты обращаются с историей Вселенной так, будто сами создавали Вселенную. “В Писании ясно сказано, что жизнь была создана в виде различных форм, причем для каждой формы были очерчены конкретные генетические границы. Генетические программы жизни, изначально составленные по плану и замыслу Творца, определяли границы изменений по мере продолжения жизни и смены одного поколения другим” [13, с. 61]. С этим утверждением вряд ли согласятся представители всех ведущих конфессий, даже экуменисты, потому что Творец в данной ситуации не Создатель, а заведующий отделом экспериментальной биологии, по собственной прихоти моделирующий или уничтожающий целые виды и живые организмы. Эту мысль когда-то в XIX в. высказал, еще не акцентируя нравственную неполноценность позиций креационизма, Эрнст Геккель: «“Всемогущий творец неба и земли”, как он фигурирует в первой книге Моисея и в современных кате-

хизисах, мыслится как человек, как современный творец Агассиса и Рейнке или интеллигентный “инженер-механик” других современных биологов» [14, с. 280].

Сопоставляя креационистскую и эволюционные модели, Д. Маклинс с соавторами полагают, что эволюционизм – выдумка Дарвина и Маркса – порождает агностицизм и атеизм и “полностью отвергает мысль о предназначении человека для вечности” [13, с. 155]. Удивительно, что эта тривиальная идея эксплуатируется без существенных изменений более столетия: “Главной помехой всякого прогресса являются Маркс и Дарвин” [15]. И это написано еще в 1905 г. Неужели за это время креационистам не открылась простая истина, что Дарвин не “повинен” в “дарвинизме”, а Маркс в “марксизме”?

Гораздо более талантливо сделана брошюра “Существует ли заботливый Творец?” [16]. Она удачно выстроена логически и более идеологизирована, ненавязчиво сочетает обращения *ad humani* и рационализм. При этом схема изложения пороков эволюционизма стандартна и начинается с выявления причин неверия, коренящихся, в философиях людей, которые превозносили чистый разум [16, с. 7]. Помимо Дарвина, список создателей “порочного заблуждения” пополнили З. Фрейд, Ф. Ницше, Д. Юм, буддисты, синтоисты, отрицающие Творца только потому, что не хотят верить в него. Происхождение Вселенной описано с убедительными ссылками на научные публикации; описание четырех фундаментальных физических взаимодействий вполне корректно. Авторы демонстрируют физический порядок Вселенной, ее закономерную организованность, и особое внимание уделено проблеме Начала, которую физики-креационисты – Фред Хойл, Алан Лайтман и другие считают неразрешимой.

В отличие от предыдущих сочинений креационистов, отношение к агностицизму в указанной книге не носит откровенно враждебного характера. Термин “агностик”, приписываемый Томасу Гексли (“цепному псу Дарвина”, как называли его современники), был позаимствован им из упоминания апостолом Павлом о жертвеннике в Афинах с греческой надписью *агностои теой* – неведомому Богу – и не является синонимом атеиз-

ма. Авторы книги не очень осуждают агностиков – они заблудшие и могут быть возвращены в лоно истинной веры. Агностицизм – это остановка перед верой в Творца, существование которого доказывают:

- разумно устроенная Вселенная, имеющая начало;
- клетки нашего тела, свидетельствующие о замысле;
- сведения о нашем мозге, самосознании и заинтересованности в будущем.

Суетность науки, добывающей знания, может быть вознаграждена, если она согласуется с креационизмом. Так, “Бог есть дух”, он существует в невидимой форме и так же реален, как нейтронные звезды и черные дыры, которых мы тоже не видим, но они “обнаруживаются по их влиянию”.

Авторы подробно описывают, как Творец создавал химические элементы, устанавливал правильные (именно такие, какие они есть сейчас) “размеры Земли, параметры ее вращения, расстояние от Солнца, а также наклон ее оси и почти круговую орбиту движения вокруг Солнца” [16, с. 92]. И вновь креационисты-иеговисты, подобно коллегам из других поучающих сект, рекомендуют верующим Библию как учебник природоведения, а Творца как автора этого учебника.

Психологам давно известен “феномен антипропаганды”, суть которого заключается в том, что проведение широкомасштабных публичных акций, направленных на изменение общественного сознания, не даст положительных результатов, если они начинаются с лозунгов негативного звучания. Слоган “Борьба за здоровый образ жизни” имеет больше шансов на реализацию, нежели “Борьба с алкоголизмом, наркоманией и табакокурением”, поскольку формирует позитивный эмоциональный заряд. Негативная форма призыва несет подсознательную информацию о том, что это зло практически неискоренимо, и сейчас надо предпринять новые срочные усилия, направленные на ликвидацию ранее скрытой опасности. Подобные кампании, представляющие собой еще одно порождение паранаучного мышления, спорадичны и неэффективны, так как опираются на подсознание, а не на разум, и потому могут появляться при любой общественной системе, которая ограничивает

научное знание. Крайности сходны – “голый” материализм так же опасен для разума, как и креационистская вера. В “безбожном” Советском Союзе появилось учение о “живом веществе” – наивный витализм О.Б. Лепешинской, который породил новую веру. А в конце 40-х годов прошлого века дарвинизм, который был государственным фетишем, стал представлять “лишь исторический интерес” и был отвергнут советской наукой на основе “замечательных исследований” академика Т.Д. Лысенко. Н.В. Турбин в 1954 г. писал: “Ламарк и Дарвин глубоко заблуждались <...> нет никаких оснований давать учащимся эту часть учений Дарвина. Учащиеся должны изучать новую теорию видообразования” [17]. Именно в нашей стране на смену “плоскому дарвинизму” пришел “советский творческий” Т.Д. Лысенко. Его школа, которую можно назвать “советским мистическим креационизмом”, проповедовала возможность создания микроорганизмов из вирусов, превращения овса в овсюг, пшеницы в рожь, пеночки в кукушку и ничем не отличалась по характеру доказательных приемов от современного религиозного креационизма.

В последние годы особенно широко распространяется литература, пропагандирующая исламский креационизм, отличающийся особой агрессивностью по отношению к науке. Характерны названия книг: “Дарвинизм: зло для Человечества”, “Черная магия дарвинизма”, “Конец дарвинизма”. В отличие от достаточно лояльного по отношению к разуму “научного” креационизма, жесткий негативный заряд, заключенный в подобных исламистских изданиях, рассчитан на сферу разрушительных эмоций, призывающих к уничтожению всего, что не согласовано, по мнению сочинителей, с Кораном. Вера же, как особое состояние души, положительна; она позитивна по определению, так как неверие – это не отрицательная вера, а ее отрицание, и по этой причине она не может быть навязана извне, тем более насильственно.

Разоблачительный пафос исламского креационизма, направленный *против* эволюционного учения, – доминанта многочисленных сочинений автора, пишущего под псевдонимом Харун Яхья. На содержании одной из них – “Крах теории эволюции и ее идео-

логическая подоплека” [18], – следует остановиться подробнее.

Первая глава называется “Истинная идеологическая подоплека терроризма: дарвинизм и материализм”. Оказывается, что именно дарвинизм виноват в возникновении всех диктаторских режимов, фашизме, коммунизме, расизме, маоизме и т.д. (кто тогда виноват в появлении диктаторских режимов до 1859 г., до выхода в свет “Происхождения видов”?) Ответственность за “социалдарвинизм” несут Т. Мальтус, который создал “теорию безжалостности”, явившуюся источником вдохновения Ч. Дарвина, сам Ч. Дарвин, провозгласивший «величайшую ложь: “жизнь есть борьба”», и конечно ученик Дарвина, “основоположник коммунистической идеологии” Карл Маркс (который так не любил Мальтуса, что придумал термин “мальтузианство”). Как будто до них не существовало сочинений А. Гобино, Б. Дизраэли и некоторых других активных поставщиков расовых концепций.

Оказывается, что “Майн Кампф” это результат “упоения идеями Дарвина и принципом выживания и победы достойнейших...” [18, с. 11], а первопричиной второй мировой войны были “лживые домыслы английского естествоведа любителя Чарльза Дарвина...” [18, с. 12]! Свидетельствами необходимости разрушения дарвинизма являются его позитивная оценка классиками марксизма и пагубное влияние безбожия на незрелые умы будущих политиков: “... в юности Сталин был весьма религиозным человеком, но под влиянием книг Дарвина отошел от религии и стал ярким атеистом” [18, с. 12].

“В самом деле, – пишет Харун Яхья, – если отбросить дарвинизм, то не остается никакой философии борьбы. Все три мировые религии, последователями которых является большая часть населения земли: ислам, христианство и иудаизм выступают против насилия, несут миру гармонию и мир, категорически отрицая какие-либо проявления жестокости, насилия и убийства невинных людей” [18, с. 14]. И этот вполне гуманный тезис подкреплен цитатами из Корана. История, к сожалению, показывает иное. “Войну и проповедь его [Магомета] учения продолжали: Абу-Бекер, тесть Магомета, и Омар, который покорил Персию, Сирию и Египет. Амру и Серджий – намест-

ники Омара подчинили своей власти Иерусалим, который мужественно защищался в продолжение четырех месяцев” [19, с. 2]. “Калифы – Фатимиды, поселившиеся недавно по берегам Нила, сделались новыми обладателями Иудеи. Под их управлением положение христиан было сносным до тех пор, пока не стал калифом Гакем, о жестоком фанатизме и об яростном безумии которого сообщает история” [19, с. 3]. Почти 400 лет крестовых войн между мусульманами и христианами погубили множество жизней, в том числе и невинных людей, потому что помимо “дарвинизма”, на всем протяжении истории человечества существовали и существуют более реальные “причины жестокости и насилия” – материальные (перенаселенность, голод, нарушение территориальности) и идеологические (расовое или религиозное превосходство, агрессивное мессианство и прочее).

Весь последующий текст книги, прекрасно иллюстрированный картинками из учебников биологии, представляет собой безапелляционное “разоблачение материалистической идеологии” эволюционизма. Элементарные факторы эволюции – это вымысел атеистов. Мутации существуют в природе, но они всегда вредны: «В истории науки не наблюдалось ни одного примера “положительных мутаций”». К молекуле ДНК “...не может прибавиться новая информация... <...> Она может стать лишь причиной аномальных явлений, к примеру, роста ноги со спины или уха из живота. <...> Одним словом, эволюция живых организмов невозможна, потому что в природе нет механизма, способного осуществить ее” [18, с. 42].

Далее вновь следует стандартное перечисление набора возражений против селектогенеза, расписанных по стандартной форме: нет переходных форм – нет эволюции; все живые организмы появились одновременно и в самой совершенной форме. Пример – появление новых типов животных эудикарской фауны. Рассуждения о “кембрийском взрыве” могли бы быть убедительными, однако это время появления многоклеточных беспозвоночных, о позвоночных автор забыл – забыл указать в каком именно периоде или эре они были сотворены. Есть и положительный момент – Харун Яхъя не предлагает собственную вре-

менную шкалу, как другие креационисты, он опирается на шкалу, принятую в современной палеонтологии. Однако в главном он не расходится с другими креационистами. “Истина очевидна, – утверждает он, – все живое является результатом совершенного творения, что доказывает существование всемогущего, всезнающего и разумного Создателя. Этот Создатель – Аллах, Господь небес, земли и всего, что простерто между ними” [18, с. 168].

И христианский, и исламский креационизм с одинаковым усердием “разрушают эволюционизм”, полагая, что тем самым спасают планету от безбожия. Однако есть немало вопросов о причинах постоянного вторжения веры в науку. Почему мишенью стала не теория Эйнштейна, а теория эволюции? Может ли креационизм “улучшить” нравственность?

СЛАБОЕ ЗВЕНО

Почему креационисты вторгаются в биологию, не задевая химию и физику? Почему их не волнует усложнение органических или эволюция углеродсодержащих соединений, почему они не отвергают эволюцию галактик? Возможно потому, что в этих науках проблема Начала имеет метафизический смысл – если до Начала не было *ничего*, то это не противоречит ни материализму, ни идеализму. В биологии данная проблема становится философской и антиномичной: или возникновение (из чего-то), или сотворение (из чего-то). Это старый и болезненный вопрос – что более существенно для преобразования органической материи – внешние факторы или внутренние закономерности. Это начальный пункт столкновения философии, представляющей, по Гегелю, “единство искусства и религии” [20, с. 393], и того, что соответствует подлинной свободе воли: “только объективная достоверность, истина” [20, с. 219]. Как сказано ранее, для большинства биологов способ возникновения жизни на Земле не имел бы принципиального значения, если бы признанием творческого акта не открывал дорогу креационизму, который ограничивает свободу познания. Кстати сказать, сегодня эволюционисты без раздражения рассматривают возможность панспермии – параллельно-

го существования жизни и материи во Вселенной. При этом межгалактические формальдегидные облака могут служить материалом для неферментативного синтеза нуклеотидов в галактическом пространстве, а спирты для образования и эволюции других органических соединений. Эволюционисты вынуждены рассматривать предположения Холдейна–Опарина и иные гипотезы происхождения жизни только в качестве возможностей. Эксперименты С. Миллера, Г. Юри, С. Поннамперумы и других химиков по моделированию первичных условий и синтезу органики из неорганических соединений не являются неопровержимыми доказательствами истинности условий уже свершившихся событий, даже с позиций актуализма. Их следует оценивать только как доказательства того, что *сегодня* можно получать результаты, соответствующие определенной гипотезе. Это не поклон в сторону креационизма, это лишь признание объективного факта, что сегодня наш разум ограничен в возможностях реконструкции прошлого. Поскольку вектор времени необратим, нам не дано знать каков *истинный* состав первичной атмосферы. Впрочем, мы так и не узнаем, манипулировала ли Природа четыре миллиарда лет назад с теми же элементами, которые представлены сегодня. Можно надеяться только на фантастический случай обнаружения молодой планеты, подобной Земле, но и в этом случае вряд ли будет получен однозначный ответ. Впрочем, какой бы ответ не был получен, он кардинально не изменит общие представления об эволюции жизни на Земле.

Наша неспособность точно и во всех деталях реконструировать прошлое из-за того, что многие слагающие его элементы сами эволюционировали во времени, заставляет естествоиспытателей прибегать к эмоциональным фразам типа: “Бог изощрен, но не злонамерен” (А. Эйнштейн), “Бог не играет в кости”, “Сегодня, когда мы имеем столько знаний и информации, порядочный человек может сказать только одно: жизнь возникла каким-то чудесным образом” [21]. Этим лукаво пользуются креационисты для доказательства того, что их концепция подержана великими учеными, а теория эволюции опровергнута.

Доказывать креационистам, что они не-

правы – занятие неблагодарное и бессмысленное, ибо слепая вера не освещается пониманием, она лишена двух функций разума – способности к анализу и синтезу. Более того, креационисты не осознают, что их вера хуже атеизма, что легко доказать простым экспериментом.

“Забыв” об эволюционизме и, следуя их наставлениям, мы берем Ветхий Завет за основу и изучаем главу о происхождении жизни. Сотворение жизни на четвертый день вполне соответствует последовательности эволюционистов – сначала появляются рыбы, потом пресмыкающиеся и птицы. На пятый день появились звери (млекопитающие).

“И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... <...> И сотворил Бог человека по подобию Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их”. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле” (Быт. 1:26–28).

Дальнейший анализ текста второй главы вызывает в голове путаницу:

“И сказал Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их...” (Быт. 2:18,19).

Вряд ли этот текст создавался в качестве пособия по биологии, как утверждают креационисты. В главах Бытия можно найти массу событий, не имеющих рационального причинно-следственного объяснения с точки зрения ортодоксального биолога. Так, после изгнания Каина в землю Нод, он познал жену. Откуда она появилась, как и прочие его потомки – Ирад, Мехиаель, Мафусаил, Ламех, – если на Земле были только три мужчины и одна женщина – Адам, Ева, Авель и Каин? Откуда появились сыны Божии, которые брали в жены дочерей человеческих (Быт. 6:2)? И подобных вопросов возникает очень много. Поэтому *рационалистическое* чтение Библии открывает огромное количество событий, несовместимых со здравым смыслом, признающим *только*

законы физики, химии и биологии.

Создается впечатление, что креационисты ознакомились с одной главой книги Бытия и не понимают *действительного* предназначения Священного Писания. Они присвоили себе право использовать Библию в качестве инструмента утверждения обскурантизма, лишая других возможности следовать за Екклесиастом: “Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия...” (Еккл. 7:25).

Желание креационистов утвердить идею Творца за счет разрушения естествознания наивно, как наивна сущность их литературы, подменяющая знание верой, как примитивно их самонадеянное стремление “материализовать” тексты Священного писания и выступать с монопольным правом трактовать Ветхий Завет по собственному усмотрению. Считая себя христианами, они входят в противоречие со многими постулатами Церкви, присвоив себе единственное право на истину, ибо сказано: “Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все” (Еккл. 11:5).

Креационисты сегодня пытаются вернуть человечество в состояние, описанное еще Энгельсом: “... для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, подобно Бакленду и Мантеллу, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам Книги бытия” [22]. “Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе имеет свои корни...” [23]. Сегодня этот вопрос философии по-прежнему актуален, однако корни его оказались гораздо глубже. Они связаны с методами формирования общественного сознания, которые не учитывают парадокс нервно-психической эволюции человека – чувства консервативны, а мысли стремительно изменчивы.

Исследования в области психогенетики и психофизиологии свидетельствуют, что цельная личность (индивидуум, неделимое) воспринимает окружающий мир благодаря взаимодействию двух сфер – рациональной

(интеллектуальной) и чувственной (эмоциональной). Интеллект является сложной комбинацией вербальных и невербальных способностей – математических, логических и лингвистических способностей, памяти, дивергентного мышления и т.д. Эмоциональность (темперамент) оценивают по таким показателям как адаптивность, активность, настроение, внимание-настойчивость, отвлекаемость и пр. [24]. Познание объективных законов мира на основе научного мышления является одной из важнейших целей индивидуального существования, и “чистое” знание освобождено от эмоциональной окраски. В то же время, сам процесс познания начинается с активации эмоциональной сферы с ее различными окрасками, которые способны тормозить или ускорять процесс осмысления Истины. По Гегелю, “это взаимное проникновение мыслящей субъективности и объективного разума есть конечный результат развития теоретического духа, проходящего через предшествующие чистому мышлению ступени созерцания и представления” [20, с. 310].

Взаимоотношения между рассудком и чувством весьма сложны и неоднозначны. Крайние формы их проявления – когнитивность и ощущение – непредсказуемы, но между ними переброшен связующий элемент, переходный мост. Таким внутренним мостом является вера. Существуют субъективные факты – каждый человек видит сновидения, однако рассказ о них может восприниматься слушателем как правда или вымысел, поскольку никакими инструментальными методами образы сна не проверяемы.

Вера естественным образом входит в обыденное сознание. Мы не были в Тасмании, но верим, что она существует. Мы знаем теорему Пифагора, но не умеем ее доказать. Мы верим, что солнце всходит и заходит, хотя и знаем, что это не так.

Именно вера является консолидирующей опорой во взаимоотношениях между людьми, именно поэтому индивидуальное бессознательное трансформирует личную веру в особый сверхаддитивный социальный институт – религию. Вера формирует эмоциональное состояние особи изнутри, религия контролирует его извне.

Можно выделить несколько форм веры, которые выполняют различные социальные

функции.

Бытовая вера – свойство, необходимое для реализации адаптивного поведения человека в конкретной социальной среде; она определяет индивидуальные границы повседневного комфортного общения. Ее разновидности – различные суеверия. Антиномия – обман.

Вера как энтелехия, или жизненный порыв. Индивидуальная активно действенная форма веры, сопровождаемая пассионарностью и жертвенностью. Ее носители – основатели философских учений, общественные деятели (Христос, Ганди, Швейцер, и др.) и некоторые обычные люди, которые характеризуются иррациональным, с позиций “здорового смысла” и чувства самосохранения, поведением, поэтому их вера для окружающих кажется абсурдом. Они выполняют функции спасателей в экстремальных ситуациях. Разновидностей нет. Антиномия – равнодушие, безразличие.

Религиозная вера – набор определенных ритуалов, оптимизирующих взаимоотношения внутри больших социальных групп. Она определяет эмоциональный характер взаимодействия с другими социальными группами – от племенных до государственных. Ее разновидности – конфессии и секты. Антиномия – атеизм.

Опасность вмешательства религиозной веры в естествознание первым понял один из самых просвещенных биологов XIX в., автор термина “экология” Эрнст Геккель. Он постулировал, что мир познается не откровением, а рациональным опытом: «В религиях Индии и Египта, в эллинской и римской мифологии, в Талмуде и Коране, в ветхом и новом Заветах боги мыслят, говорят и действуют совсем как люди. Откровения, при помощи которых боги хотят объяснить нам тайны бытия и решить глубокие мировые загадки, представляют собою не что иное, как *плод человеческой фантазии. Истина*, которую верующий находит в этих откровениях, является человеческим вымыслом, а “детская вера” в них представляет собою простое суеверие.

Истинное откровение, т.е. истинный источник разумного познания можно найти только в *природе*. Богатый запас истинных знаний, представляющий собой наиболее ценную часть человеческой культуры, обязан

своим происхождением исключительно данным наблюдения и опыта, приобретенным человеком путем познания природы и путем разумных умозаключений, которые каждый человек сделал из его эмпирических представлений. Всякий разумный человек, обладающий нормальным мозгом и нормальными чувствами, вынесет при непредубежденном наблюдении природы это истинное откровение и тем самым освободится от суеверия, которое ему навязывают откровения религии» [25].

Вера не ассоциируется напрямую с религией – это может быть вера в привидения, НЛО или снежного человека. Взаимодействие между людьми одной веры создает группу, вырабатывающую кредо – символы веры, на основе которых строится индивидуальное предопределение, конкретное состояние души, не нуждающееся в анализе. Между этими свойствами (если они не терминальны) существуют неантагонистические отношения, регулируемые агностицизмом. Это значит, что попытки анатомировать веру с целью ее разрушения – безнравственны, а попытки веры заместить научное знание – беспочвенны. Оптимальное состояние личности – уравновешенность. Социальное признание доминантности знания в ущерб вере приводит к утрате духовности, реализации разрушительных технократических амбиций и машинизации личности и государства. Доминирование веры в обществе реализуется как агрессивное мракобесие и торможение прогресса.

Наступление креационизма на науку, даже если оно подвинуто “святой простотой” имеет конкретную цель – превратить Священное Писание из источника духовного оздоровления в учебник природоведения. Эта претензия столь же бессмысленна, как и рекомендация использовать Книгу Чисел Ветхого Завета в качестве руководства по математике.

Взаимоотношение веры и знания определяет интеллектуальное и нравственное здоровье не только отдельной личности, но и социальных систем и тому есть множество примеров. Вероятно, именно это оптимальное состояние Библия называет мудростью: “Ибо Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум” (Прит. 2:6).

Но креационизм не может быть понят

без анализа еще одной категории – чуда: «Бессильный самостоятельно познать сущность мира и объяснить возникновение его естественными причинами, неразвитый разум, естественно, должен был ухватиться за чудо. В большинстве сказаний о сотворении мира чудо соединяется с *антропизмом*. Как человек создает искусственно и намеренно свои произведения, так и “бог-зихдитель” планомерно творил мир; представление об этом творце в большинстве случаев было вполне антропоморфично, было явным “*антропистическим креатизмом*» (т.е. антропным креационизмом. – *Авт.*) [14, с. 279–280].

Категории чуда немалое внимание уделил Гегель в “Философии религии”. Согласно Гегелю, чудо есть случайное, единичное явление, не включенное в общие связи бытия и потому приписываемое внешним силам, в частности Богу. По Гегелю, “определение чуда имеет место только в *противоположность порядку* природы, в противоположность законам природы, хотя последние еще не познаны” [26, с. 97].

Утверждение чуда совершается тогда, когда познание работает не на уровне понятия, а на уровне представления. При этом уверенность, убежденность противопоставляются истине. Гегель отмечает, что чувство, представление “могут иметь истинное содержание, но они сами не являются формой, которая с необходимостью делает содержание истинным” [26, с. 331].

Замечательный русский физиолог Климентий Аркадьевич Тимирязев еще в 1914 г. писал: “Вселенский клерикализм повсюду вооружается в надежде вернуть себе утраченную власть, и, конечно, главным препятствием на его пути является наука. Самым могущественным оружием в этой борьбе мрака с разумом является погоня за чудесным” [27].

Креационизм не имеет отношения ни к вере, ни к знанию. Это своеобразная погоня за чудом, которая отвергается как наукой, так и истинной религией, потому что бесцеремонное отношение к библейским текстам не объяснимо ничем, кроме явной или скрытой корысти. Библия существует не для затмения разума, а для очищения души, а потому Богу – верующих, Науке – знающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бейль Пьер*. Исторический и критический словарь: В 2 т. М., 1968. С. 66.
2. *Болинъ В.* Спиноза. СПб., 1889.
3. Брейшит 1: 24–28 // Тора (Пятикнижие Моисеево) / Пер. П. Гиль. Иерусалим–М., 1993.
4. Корова 27(29), 28 (30) // Коран / Пер. И.Ю. Крачковского / Минск, Ростов н/Д, 1990.
5. *Кювье Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. М.–Л., 1937. С. 150.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв.: В 3 т. Т. 3. М., 1985. С. 48.
7. *Давиташвили Л.Ш.* История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. М.–Л., 1948.
8. *Назаров В.И.* Учение о макроэволюции. М., 1991.
9. Цит. по: *Цвейг С.* Мери Бейкер-Эдди // С. Цвейг. Очерки. М., 1985. С. 157–298.
10. *Кузнецов Д.А.* Разрушительная преемственность (Элементы классического Дарвинизма как причина неразрешимых противоречий в современных концепциях биологической эволюции: анализ креациониста). М., 1991.
11. *Хайнц Т.* Творение или эволюция. Анализ теории эволюции в свете Священного Писания. Славянское Евангельское Общество. Без места и года издания.
12. *Дарвин Ч.* Происхождение видов. М.–Л., 1935. С. 591.
13. *Маклин Д.С., Окленд Р., Маклин Л.* Очевидность сотворения мира. М., 1993.
14. *Геккель Э.* Мировые загадки. М., 1937.
15. *Бельше В.* Прогресс дарвинизма. СПб., 1905. С. 4.
16. Существует ли заботливый Творец? N.Y., 1998.
17. *Турбин Н.В.* За дарвинизм в теории видообразования // Вестник ЛГУ. 1954. № 10. Сер. Биол. С. 31–32.
18. *Харун Яхья.* Крах теории эволюции. Стамбул, 2002.
19. *Мишо Г.* История крестовых походов. Киев, 1995.
20. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977.
21. *Crick F.* Life Itself: Origin and Nature. N.Y., 1981. P. 88.
22. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв.: В 3 т. Т. 3. М., 1985. С. 108.
23. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Там же. С. 382.
24. *Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л.* Психогенетика. М., 2000.
25. *Геккель Э.* Бог в природе. СПб., 1906. С. 19–20.
26. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии // Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 2. М., 1977.
27. *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. М., 1963. С. 328.

8 января 2003 г.